

Матьяна
Алюшина

Читайте романы
Татьяны Алюшиной

Крымский роман
Влюбиться в жертву
Любовь со вкусом вишни
Девушка из нежной стали
Далекий мой, единственный
Девочка моя, или Одна кровь на двоих
Две половинки
Девушка с проблемами
Запутанные отношения
Свидание вслепую
Красота по-русски
Девушка-праздник
Дом, где исполняются мечты
Беглая невеста
С молитвой о тебе
Любовь без права на ошибку
Мой слишком близкий друг
Два шага до любви
Двое на краю света
Все лики любви
В огне аргентинского танго
Чудо купальской ночи
Больше, чем страсть
Моя нечаянная радость
Тот, кто назначен судьбой
Неправильная невеста
Утоли мои печали
Счастье любит тишину
Коллекция бывших мужей
Белоснежный роман
Сердце просит счастья
Руки моей не отпускай
Формула моей любви
Будьте моей семьей
Созданы друг для друга
Актриса на главную роль
Озерные страсти
Вальс до востребования
Судьба непринятой пройдет
Отсроченный шанс, или Подарок из прошлой жизни
Вынужденное знакомство

Татьяна
Алюшина

Вынужденное
знакомство

Роман

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А59

Дизайн обложки *Н. Каштыкиной*
Редактор серии *В. Горюнова*

Алюшина, Татьяна Александровна.
А59 Вынужденное знакомство : роман / Татьяна
Алюшина. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-168546-1

Беда не приходит одна. На Полину Мирскую обрушилась череда несчастий: похитили жену ее брата, она потеряла работу, ее предал жених... В такой ситуации немудрено потерять оптимизм. Сумеет ли она не опустить руки? Сможет ли помочь своим близким? Обретет ли настоящую любовь? Ведь любая, даже самая страшная история рано или поздно завершится, и порой только от нас зависит, будет ли счастливым ее конец.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алюшина Т., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-168546-1

«Траву надо бы скосить...» — проплыла в сознании очередная мимолетная мысль, не задержавшись в череде столь же вялых, цепляющихся друг за друга невесомых размышлений. Застыв у окна, Полина все помешивала и помешивала рассеянно ложечкой в кружке позабытый и безнадежно остывший кофе, рассматривала двор через чуть помутневшее после недавних сильных дождей стекло, не задерживаясь надолго взглядом ни на одном объекте.

«Господи! О чем я думаю? — внезапно выскочила она из своей затянувшейся, тягучей неосознанности. — Какая трава?! Какое косить?!»

— Совсем сбрендил! — произнесла вслух Полина и тряхнула головой, изгоняя окончательно странную, пустую меланхолию, возвращая себя в реальность.

Посмотрела с удивлением на кружку в руке, сообразив, что так и держит, совершенно позабыла про нее, и хоть и с сомнением, но поднесла все же к губам и сделала глоток.

Фу, холодный. Ну а какой еще он мог быть? Сколько она вот так проторчала у окна, замерев в легком трансе, гоняя непростые мысли в голове? Десять минут? Полчаса? Да какая разница.

Ладно, «помедитировала» о плохом, надо бы и делом заняться.

Да, делом заняться определенно следовало...

«Как?! Ну как все могло пойти до такой степени вразнос? И почему какая-то дикая цепь непредсказуемых событий настолько закрутилась, что, блин, вся жизнь рассыпалась, пропадая на хрен соленый?!»

Внезапно, следом за недолгим рассеянным расслаблением, накрыла Полину безысходная, какая-то серая муть отчаяния, в стопятидесятый раз заполняя сознание совершенно непродуктивными вопросами: «Надо же что-то делать, как-то выгрести из этого треща непроходимого! Что-то ведь делать надо же!»

Всю свою сознательно-взрослую жизнь Полина Мирская пребывала в твердой уверенности: стенания о жутких неприятностях, якобы не желающих ходить поодиночке, предпочитая кооперироваться в кучу и набрасываться на попавшего под их раздачу человека, есть не что иное, как желание этого самого «страдальца» тупо ничего не делать самому.

«Потерпевший», манипулируя, расчетливо давая на людское сострадание и душевную щедрость, таким образом старается эффективно переложить свои проблемы на кого угодно: на государство, полицию, различные фонды помощи, несчастных родственников и просто равнодушных добрых людей, не успевших вовремя вернуться. Главное для него — уклониться от решения проблем самому.

А поговорка «Пришла беда — открывай ворота» есть не что иное, как глухой анахронизм, к которому так любят апеллировать те самые «несчастные», оправдывая отсылком к мудрости предков свое бездействие, инфантилизм и нежелание разбираться с непростыми обстоятельствами.

Разумеется, данный упрек не касался и не относился к реально нуждающимся в помощи людям, таким как одинокие, немощные старики, тяжело больные детки и инвалиды, лишенные попечительства и поддержки.

Полина откровенно недоумевала: а сам что-то делать не пробовал, товарищ? Для начала хотя бы отлипнуть от

экрана компа, поднять пятую точку и реально начинать что-то менять? И причисляла такого рода жалобщиков либо к хроническим лентяям и «голимым халявщикам», как выражался один художник, с которым ей приходилось работать, либо к откровенным мошенникам.

Ну вот так ее научила и воспитала бабушка Анфиса, папина мама, имевшая весьма специфический взгляд на правила и законы социума и жизни в целом. Взгляд этот она вынесла из своего весьма непростого детства дочки репрессированных родителей, прошедшей специнтернат для детей «предателей Родины». О чем, кстати, никогда не рассказывала ни слова. Вот никогда — стена, что ни спроси про детство или юность, только посмотрит так пристально, подожмет губы и отвернется.

Суровая, строгая, железные принципы — кремь, а не женщина. И всегда подтянутая, ухоженная, прическа волосок к волоску, совсем легкий макияж: бровки, почти незаметный контур на веки и немного теней, помада лишь намеком, только чтобы добавить немного тона. И одевалась Анфиса Григорьевна с потрясающим вкусом, в основном в то, что сама и шила. А шила она великолепно, даже шляпки и пальто сама кроила и изготавливала. Все идеально выглажено, подогнано и сидит как влитое. Спина в струнку — и вот идет-шествует.

К добру ли, к худу, но именно бабушка Анфиса проводила большую часть времени с внучкой, по ходу занимаясь и воспитанием Полины, передавая те самые житейские мудрости и правила, которые выработала для себя и по которым жила-выживала сама. Родители-то работали, и работали очень-очень много, стараясь в те непростые времена прокормить семью, старший брат к тому времени был уже подростком и в пригляде взрослых не нуждался, а вот Поля, по малости лет и потому что заниматься девочкой родителям было совершенно некогда, попала под бабушкины наставления-наравоучения.

Умерла Анфиса Григорьевна, когда Полине исполнилось семь лет. Наверное, столь ранний ее уход в какой-то степени спас Полину от окончательного формирования сурового восприятия действительности и жизни, настойчивости и готовности в любой момент противостоять обязательно должным случиться трудностям и людскому предательству. Да и родители — с их любовью, куда как более мягким и позитивным подходом к житейским догмам и гораздо более гибким мышлением — смогли в какой-то степени нивелировать бабушкино влияние на девочку. Ну и характер, понятное дело, сыграл не последнюю роль в формировании личности Полины. Но кое-что из втолковываемых бабушкой жизненных укладов и наставлений закрепилось прочно и навсегда в ее сознании.

«Не плачь, не бойся, не проси», в расширенной и более мягкой, адаптированной для социума и ребенка трактовке.

Эту прямую аналогию Полина уловила и осознала, будучи студенткой, когда изучала работы известных философов и классическую литературу, но привычка никогда и ни у кого не просить помощи, а справляться с любой проблемой самостоятельно осталась в ней неистребимой.

К тому же понятно, что, когда случалось решить очередную непростую задачу, всякое такое достижение изрядно тешило и повышало самооценку Полины, как человека деятельного, обладающего здоровым тщеславием, — ведь смогла, справилась, разобралась, добилась. Ну а как без этого.

Yes-s-s... как говорится.

Слушайте, ну а кого бы не распирало от гордости, когда ты сам, без протезирования и «подпорки», добился высокого социального статуса, продвинулся в карьере или разрулил сложную проблему, которая другим не по силам и не по мозгам?

Вот и довыпендривалась, дотешила самооценку с гордыней: «Халаящики, мошенники, лентяи! А я такая крутая-умная, все могу, все умею, все преодолею, все сама, сама...» Ну-ну, хмыкнуло провидение и выдало «тест-драйв»: на, получи, да по такой «программе» тренинга с качем на пару, что вся жизнь вдребезги и зубов не собрать!

Как там сказал один ее знакомый скульптор, по совместительству пропагандист буддистской теории устройства мира? «Не стоит трясти чванством, ибо чревато, поскольку карма работает без выходных».

Полина, помнится, все посмеивалась над его высказываниями в кришнаитском стиле (типа: все братья, довольствуйся малым, всех возлюби-прости и карма рулит), пропуская поучения подобного рода мимо сознания, принимая лишь то, что на работы этого деятеля искусства данная философия имела совершенно очевидное влияние. Кстати, весьма талантливые работы, вот она и слушала всю эту лабуду кармическую и кивала — да пусть что хочет говорит и во что хочет верит, главное, чтобы творил и дальше выставлялся в их галерее.

А к ней лично вся эта теория воздаяния-наказания за грехи не имеет ровно никакого отношения. Какие грехи, какая гордыня, какое тщеславие, вы о чем вообще? Нет в ней ничего подобного и близко — она вкалывает двадцать четыре на семь, постоянно общаясь с кучей народа, проявляя при этом чудеса великой терпимости, понимания и прощения.

А вы пробовали работать с творческими людьми? С художниками, скульпторами? Там такие закидоны приходится терпеть, усмирять и принимать — и носиться с творцами как с малыми детьми, выдерживая все их истерики, запои, депрессии, нервные срывы и приступы большого тщеславия, — что невольно сама воплощенным Кришной станешь в его всепрощении и смирении. Или с людьми,

облеченными властью-богатством, с капризными инвесторами, с «брыкливым», неуравновешенным руководством и так далее, так далее...

Но это ее жизнь и работа — бесконечная коммуникация с огромным количеством разных и не самых простых людей.

Так какая, на хрен, карма-сука, передовица производства, работающая «без выходных», спрашивается, выстрелила вдруг в Полину прямо в упор и с каких таких грехов ей все это прилетело?! Да и ладно бы только ей одной! Может, Поля тогда и разобралась бы и поняла, в чем проблема, пострадай лишь она, но ведь беда ворвалась в жизнь ее семьи, накрыв «взрывной волной» родных и близких.

Они что — тоже настолько нагрешили?

Ну, конечно, она не святая и, может, где-то с перебором бывает высокомерна и цену себе завышает, а почему нет-то, а? Она благополучная, весьма успешная девушка, москвичка с весьма неплохой работой и интересными перспективами карьерного роста, с хорошей, качественной личной жизнью, с квартирой, с приличной машиной, с прекрасной репутацией, с уважением в их профессиональной среде. И все это сама, своим трудом, упорством и усердием. И, между прочим, с вполне себе реальными, грандиозными планами на будущее.

И в один миг, в один клятый гадский миг вся основательность, уверенность и налаженность ее жизни рухнула, словно где-то там, в каких-то высших судьбоносных сферах произошел термоядерный взрыв, превращая планы-ожидания Полины, да и все ее настоящее, в труху и пепел, спровоцировав потрясение пространства такой силы, что образовался губительный, неконтролируемый и беспощадный смерч.

Полина безысходно-привычно отчитывала рабочих галереи, как всегда пропустивших мимо сознания и памяти большую часть выданных им четких указаний и неверно

установивших крепления под картины, когда позвонила Настя.

— Привет, — поздоровалась невестка.

— Подожди минутку, Настюша, — попросила Поля и вернулась к прерванному разговору с рабочими зала: — Все ведь достаточно четко просчитано и размечено, вот почему, объясните, вы делаете крепление где угодно, только не на выставленных метках?

И, понимая, что спрашивать в принципе бесполезно, только воздух зря сотрясать, распорядилась холодным начальственным тоном:

— Все переделать. Вечером проверю, напортачите снова, работы не зачту и не оплачу. Всё! — И, не успев сразу эмоционально переключиться, тем же начальственным тоном обратилась к «висевшей» на связи в ожидании Анастасии: — Да, Насть?

— Оу-оу, остынь, начальница! — рассмеялась Настюшка. — Я все делаю качественно, честное слово! Меня можно не отчитывать.

— Да, — вздохнула Полина и потеряла устало лоб пальцами, отпуская внутренне напряжение и раздражение, — извини. У меня тут, как всегда, аврал-завал, столько надо еще успеть и сделать, а тут... Я дурею от этих работников: всякий раз, как выставка, так повторяется одно и то же: четко и конкретно определяешь место на стенах и стендах, так нет, обязательно что-то криво-косо и не по отметкам да сделают, — пожаловалась Поля и, тяжело вздохнув, переключилась окончательно на беседу: — Ты чего звонишь-то? — И улыбнулась, догадываясь о причине звонка невестки. — Предложение имеешь?

— Предложение имею. Кулинарно-бытового свойства, — рассмеялась Настюшка и спросила: — На обед придешь? Перерыв-то у тебя сегодня будет? Я пирог в духовку поставила. Капустный, твой любимый! — пригласила-соблазнила она.

— Пиро-о-ог... — протянула со значением Полина и посмотрела на часы на запястье, быстро прикидывая, что у нее с временем, припоминая дальнейшее расписание на сегодня. — А знаешь, приду. Минут через тридцать-сорок.

— Давай. Как раз пирог поспеет.

Полина машину брать не стала, оставив ту стоять на парковке у галереи; впрочем, она редко добиралась от работы до Насти на машине. Не любила крутиться и тыркаться по узким улочкам центра Москвы, наверняка где-нибудь еще и встряв в пробку, выбравшись из которой обязательно придется, ругаясь сквозь зубы, искать хоть какой-то «карман» для парковки на тех же узких улицах, плотно заставленных автомобилями в любое время суток.

Да ну на фиг, к тому же сегодня вообще что-то невообразимое творится с трафиком в Москве, лучше она пройдет пешочком через дворы и «сократы», тем более тут недалеко, по московским-то меркам, считай, что вообще на соседней улице. Так что ножками оно полезнее и надежней, но таким быстрым пешочком, ближе к труще — время, время, всегда не хватает, поджимает и что-то такое сложное с нами вытворяет. Вот и бегаем, несемся-торопимся.

Подумала об обещанном пироге — великий соблазн и сплошное гурманство, — и мысль, по цепочке ассоциации, сразу же перескочила на саму невестку. И, непроизвольно улыбаясь всю дорогу, думая о Насте, Полина бодроторопливо шагала по улице, кутая подбородок в приподнятом воротнике стильной каракулевой курточки. Холодновато сегодня, а она, понятное дело, одета совсем не для прогулок на бодрящем, легком февральском морозце, а представительно и стильно, как и положено при ее должности, статусе и служебных обязанностях. Ну да — офис в «Центре», Галерея, теплое нутро комфортной ма-

шины, хорошо хоть туфли на каблуке удалось сменить на зимние кроссовки, которые предусмотрительно лежали у Полины в офисном шкафу на случай всяких непредвиденных ситуаций. Например, вот такой — легкой пробежки в гости по морозным улицам.

Да, Настюшка... Снова возникло перед ее мысленным взором лицо девушки. Анастасия, жена любимого старшего брата Полины Василия, хоть была всего на три года младше Полины, но вся родня относилась к ней как к милому, доброму подростку, такой своеобразной, легкой, радостной и очень позитивной вечной девочке. Не инфантилке ни разу — нет-нет, ни в коем случае, все у Настеньки с расстановкой приоритетов, живым умом, волей и трудолюбием в полном порядке, просто натура такая: светлая, воздушная, с неизменной улыбкой на губах и всегда близким, заразительным смехом. Ее и звали все Настенька да Настюшка, не иначе в соответствии с характером и нравом.

Братец Василий женился поздно, когда ему уж за тридцать пять перевалило, хотя по нынешним-то меркам, когда и в сороковник мужчины у нас вьюноши безбашенные и безответственные в большинстве своем, так, может, и в самый что ни на есть раз, если и вовсе не рановато.

Вася не то чтобы бирюк какой, но человек непростой, замкнутый, молчаливый, «сложноватый», как говаривает про него бабушка Василиса. Что, понятное дело, во многом обусловлено спецификой его работы, заодно являющейся четким, конкретным жизненным призванием: Вася программист, довольно крутой, надо сказать, и сильно востребованный айтишник, большую часть времени зависающий за компом что дома, что в офисе на рабочем месте.

Но в принципе Вася мужик вполне себе адекватный, серьезный и продуманный, про спорт не забывал никогда,

занимался с детства, да и жизнь во всем ее многообразии, ради полного погружения в программирование и пространство интернета, в игнор не задвигал никогда.

Много путешествовал и, проверяя себя на экстрим, увлекался бейсджампингом, потом и вингсьютотом, то бишь теми же прыжками со скалы, но не с парашютом, а в костюме-крыле, но к данному виду спорта быстро охладел, когда кто-то там из их команды разбился. Было в перечне интересов Василия и подводное плавание с аквалангом, и скалолазание — в общем, всякое-разнообразное, но без фанатизма, так — попробовать, понять, что почем, применить и прочувствовать.

Вот во время освоения очередного своего увлечения, когда он по приглашению одного из начальников-работодателей принимал участие в международной регате, Василий и познакомился с Настюшкой.

Девушка оказалась на регате совершенно случайно: кто-то там из ее знакомых заболел, кто-то не смог поехать, и предложили ей занять его место исключительно в качестве повара, вернее кока, на одной из яхт. Ну а кем еще, если учесть, что по образованию она повар.

Кстати, готовит Настюшка — зашибись, где-то близко к уровню «Бог», такой врожденный талант, увлечение и призвание.

Вот там, в общей компании, ребята и познакомились, и в разговоре выяснилось, что с первого взгляда понравившаяся Василию (а скорее с первого ее заразительного, звонкого смеха) девушка тоже из Москвы и живет в соседнем районе, и ездят они до метро на одной маршрутке или автобусе, а встретились вот на регате в Средиземном море.

Настюшка как-то сразу стала для их семейства родной, близкой, освещая все вокруг улыбкой, наполняя своим звонким смехом и заражая оптимизмом и каким-то жиз-

ненным драйвом. К тому же Вася привел знакомить девушку с родней, когда та была уже на третьем месяце беременности, что в немалой степени способствовало стремительному вхождению Настеньки в семью уже на правах близкой и родной.

Свадьбу сыграли быстро, без лишних хлопот, понтов и заморочек.

Погуляли они хорошо — и на кораблике по Москве-реке катались, и песни пели, танцевали-веселились, душевно вышло. Правда, некое удивление у Полины вызвал тот факт, что на свадьбе не присутствовал никто из родственников невесты, но Настя объяснила, что в живых у нее остались лишь папа и его родители, бабушка с бабушкой, но они практически не поддерживают отношений, да и живут далеко, аж в Приморском крае, и приехать не смогли. Ну ладно, не смогли и не смогли, что тут сделаешь, Приморский край — это вам не в Турцию смотаться, это далеко. Условно можно считать, что девочка практически сирота, зато вся родня новоявленного мужа приняла ее как родную дочь, тем самым увеличившись на двоих человек сразу — на Настюшку и родившегося через пять месяцев Саввушку — Савву Васильевича Мирского.

Молодые переехали в квартиру Насти, успев закончить хороший, качественный ремонт аккуратно перед самыми родами. По счастливому стечению обстоятельств, квартира располагалась недалеко от офиса «Центра» и Галереи, в которых работала Полина. Понятное дело, что Поля частенько, уж раз в неделю так точно, забегала на обед к Настюшке, когда та звонила и зазывала на чаек-кофеек и непременно какие-нибудь очередные вкусности. И успевала за короткий часик и с племянником потетешкаться, и с невесткой поболтать, обсуждая всякое-разное (и девичье-секретное, и бытовое), и отобедать в свое большое удовольствие, всякий раз поражаясь и искренне восхищаясь кулинарным талантом невестки.

Слушайте, жизнь у нас какая-то стремительная, словно ракета, — только же вот, казалось, встречали счастливо улыбающуюся Настюшку из роддома с пищащим конвертом в руках, и вот только годик малышу отметили, и только выезжать с пузаном серьезным с двух его годов в разные страны стали, и только вот Саввушка в садик пошел — а уже пять лет человеку!

Пять! Офигеть! Пронеслись, как пуля, только вжикнув у виска.

«А где моя жизнь? Я-то что?» — как-то неожиданно вдруг, ни с того ни с сего подумалось Полине, за воспоминаниями-размышлениями и не заметившей, как почти пробежала весь путь и свернула в арку нужного двора. Она аж притормозила, захваченная врасплох этой простой и настолько странной для нее мыслью.

А что у нее? У нее...

— А у меня карьера. И несколько открытых настоящих талантов, которым реально помогла, выставки крупные, удачные, — не то возразила самой себе, не то утвердила себя Полина, почувствовав укол недовольства непонятно из каких закоулков подсознания выскочившим вопросом.

Оттого раздраженно и излишне деловито, замерзшими в тоненьких, стильных перчатках пальцами быстро набрала знакомый код на панели электронного запора и рывком распахнула подъездную дверь, когда замок, издав противный писк, открылся.

— И Александр, — вызывая лифт, присовокупила Полина аргумент к перечню своих немалых достижений за эти годы.

И отчего-то, пока лифт поднимался на нужный этаж, непроизвольно все обдумывала-перечисляла свои вершины и победы, словно спорила сама с собой или с кем-то еще. Наверное, именно потому, что увлеклась этим внутренним спором-диалогом и недовольством собой, По-

лина не сразу сообразила, что из-за двери, к которой она подошла, доносятся странные, совершенно нехарактерные и невозможные в жизни Васиного семейства звуки, и, уже было поднеся руку к звонку, остановилась, прислушавшись.

Что-то громко прокричал Саввушка и определенно заплакал. И так отчаянно-горько, страшно заплакал.

Полина перепугалась как-то сразу и всерьез, словно почувствовала, что происходит что-то непоправимое, бедовое, ломающее и перекраивающее всю их жизнь.

«С Саввушкой?» — стрельнула первая же, естественная, мысль. Она услышала голос невестки, что-то торопливо и громко отвечавшей кому-то, умоляя и убеждая в чем-то. Полина придвинулась поближе, приложила ухо к двери, пытаясь уловить больше и понять, что, черт возьми, у них там происходит. Конечно, ни фига определенного было не разобрать из-за капитальной железной двери, только вдруг неожиданно громко прозвучал отчетливый крик Саввы:

— Нет! Я не хочу! Не хочу!!!

Так, нечего тут гадать, разозлилась Поля и вжала кнопку звонка.

В этот же момент позади загремел открываемый дверной замок и из квартиры напротив на площадку вышла Анна Захаровна — любопытная, вездесущая старушенция, из разряда тех радеющих за социальную справедливость, которым всегда есть дело до всего на свете и уж тем паче до любых событий, шума и даже шороха в подъезде.

— Здравствуйте, Полина, — поджимая недовольно губки, прямо-таки принудила себя к вежливости блюстительница порядка. — Мы слышали детский крик. Это что, Савва плачет? — И без интонационного перехода сообщила: — Надо вызвать полицию! Тут явно детское насилие творится!

— Вызывайте! — разрешила Полина, переходя от терзания звонка на стук: — Настя!! Открой!! — прокричала она, затарабанив кулаком по двери.

— Всё, мы звоним в полицию! — предупредила соседка, извлекая из кармана теплого халата, застегнутого на ней под самое горло, словно укутывая в броню, сотовый телефон, и принялась набирать номер экстренной службы.

В пакет «мы слышали» и «мы вызываем» входил маячивший за спиной Анны Захаровны тишайший муж, неприметный, сгорбленный, худой мужичок неопределенного возраста, серо-невзрачной наружности, давно и прочно-безысходно зашуганный активной женой.

— Звоните! — выкрикнула Полина, продолжая колотить в дверь. — Настя!!! Что у вас случилось!? Что с Саввой?! Почему он плачет?! Открой! Открой немедленно!!! Я вызываю МЧС!!!

Она колотила, терзала звонок, кричала и за всем этим производимым шумом не услышала, как отпирается замок, и неосознанно отшатнулась назад, когда неожиданно резко, сразу на всю ширь распахнулась дверь, на пороге которой стояла насмерть перепуганная Настя. Бледная как полотно, до такой степени, что даже губы сливались с цветом кожи, словно теряясь, растворяясь на лице, она смотрела на Полину каким-то диким, остановившимся взглядом, расширившимся от ужаса зрачками, почти перекрывшими радужку глаз.

— У нас все в порядке... — пролепетала что-то совершенно бредовое невестка.

— Какое в порядке?! — прокричала возмущенно Полина. — Ты с ума сошла, Настя?! Я же слышу, как плачет Савва! Какого хрена? Что с Саввой? — чувствуя, как колотит набатом в ребра перепуганное сердце, ринулась на невестку Полина, пытаясь пройти в квартиру.

Но почему-то Настя ее не пускала, перегородив путь, не сдвинувшись с места, и повторила, словно находилась в каком-то трансе:

— Все нормально, Полина, все в порядке...

— Нет, не в порядке!!! — отчаянно, надрывно, захлебываясь слезами, закричал откуда-то из глубины квартиры Саввушка.

И следом за отчаянным криком ребенка за спиной у Полины Анна Захаровна проорала на удивление громким и низким баском:

— Алло! Полиция?! Тут ребенка убивают! Приезжайте немедленно!!!

— Настя, отойди! — глухим, безапелляционно-резким тоном приказала Полина, буквально отталкивая невестку с дороги.

Из гостиной выскочил Савва и пронесся по коридору, а пробежав мимо застывшей в дверях матери, устремился вперед, на лестничную площадку, протягивая ручонки к Полине. И та склонилась, раскинув руки ему навстречу, и поймала, еще бегущего, в движении, прижала к себе и вдохнула-втянула его замечательный, все еще такой младенческий запах. Он вжался в нее, неожиданно крепко, с силой обхватив ручками-ножками, и, почувствовав, как дрожит всем тельцем малыш, Полина принялась гладить его по спинке, по голове, пытаясь, как могла, успокоить:

— Все хорошо, малыш. Все в порядке. Мы со всем справимся.

— Я никуда не поеду! — захлебываясь слезами, прокричал ребенок куда-то в ключицу прижимавшей его к себе тетки. — Я не хочу уезжать! Не хочу!!!

— Конечно, не поедешь, — поспешила уверить Поля, все поглаживая и поглаживая его по спинке. — Кто ж тебя отпустит, ты нам самим нужен, такой прекрасный мальчик!

— Ребенка пытаются похитить! — вдруг громко прокричала Анна Захаровна за спиной Полины, заставив ту вздрогнуть от неожиданности, и принялась, четко выговаривая слова, диктовать адрес.

— Забери ребенка! — словно хлестнувший бич, прокотил короткий приказ, отданный холодным, повелительным тоном. Незнакомый мужчина двигался странно-плавной, какой-то кошачьей походкой по коридору к запершей в проходе Насте.

— Не отдавай меня этому дядьке! — прокричал испуганно Савушка и заплакал пуще прежнего. — И маму ему не отдавай!!

Повинуясь приказу мужчины, словно в трансе, Настя шагнула к золовке, взяла сына руками за бока и прошептала еле слышно, одними губами, глядя прямо в глаза Полине сумасшедше-испуганными глазами:

— Не отдавай, ни за что не отдавай, Поля... — И тут же громко, в голос, произнесла совсем иное: — Отдай Савву, Полина.

— Нет! — не отпуская полного ужаса взгляда Насти, ответила Поля, непроизвольно еще сильнее прижав племянника к себе.

— Забери ребенка, и уходим! — хлестнул новым приказом незнакомец, подходя к застывшим друг напротив друга девушкам.

— Нет!!! — прокричал малыш, крепче обхватывая ручонками шею тетки.

— Что здесь происходит?! — прозвучал внезапно властно-громкий голос какого-то мужика, незаметно образовавшегося справа от Полины. — Вы кто такой? — потребовал он разъяснений, посмотрев с большим подозрением на незнакомца, стоявшего за спиной Насти.

— Михал Саныч, какой-то криминальный элемент пытается украсть мальчика! — мгновенно встряла со своими объяснениями Анна Захаровна, добавив: — Полиция

уже едет, я вызвала! Вы же видите, Михал Саныч, это ж натуральный бандит. Еще и приказывает тут! — взбодрилась смелостью после появления нового персонажа соседа.

— Я спросил, что происходит? — повторил свой вопрос Михал Саныч.

Сосед Васи с Настей из квартиры справа, вдруг вспомнила Полина. Бывший какой-то чин на пенсии не то из МВД, не то из ФСБ или МЧС, не то из таможни. Полина не вникала, просто знала, что имеется такой вот сосед у ребят, ее как-то мало интересовали чины в отставках. Да и какая, по сути, разница, кто тот сосед, главное, что появился он весьма удачно и уж точно очень вовремя.

— Всё! — проигнорировав заданный ему вопрос и самого задавальщика, как не занятую ничем пустоту, отрезал незнакомец, снова стегнув-стрельнув властным голосом. Шагнул через порог, крепко ухватил Настю за локоть и, вперив взгляд в глаза Полине, распорядился: — Отдай ребенка, и мы уйдем.

Она прямо вот физически, всем напрягшимся в один миг телом, почувствовала, как он ментально, психически продавливает ее своей волей, заставляя подчиниться, исполнить отданный приказ, буравя тяжелым взглядом неправдоподобно синих, словно неживых, глаз. Взглядом, подавляющим всякое сопротивление и волю, способность к противостоянию, вызывающим непроизвольный, какой-то животный страх, поднимающийся из глубин подсознания, и желание немедленно подчиниться и скинуть, скинуть с себя этот ужас.

Страшный взгляд беспощадного безразличия человека, для которого давно уже стерты всякие рамки, ограничения и запреты, а жизнь других людей не стоит даже воздуха, которым они дышат...

Жуть. Словно ледяная, убийственно-запредельная чернота смотрела на Полину из бездны, как морок...

Но она стояла и держалась, сопротивляясь. Как? Бог знает, Полина не могла бы этого объяснить. От злости, наверное, что-то истинное, потаенное в ней воспротивилось этой черной воле, и, сцепив зубы так, что скулам сделалось больно, Полина смотрела в неживые синие глаза, не отводя взгляда, давая отпор чуждому нажиму и давлению, и чувствовала, как от невероятного напряжения сводит болезненной судорогой мышцы спины и катится между лопаток предательская струйка ледяного пота.

— Вы можете убираться куда угодно, — отчеканила севшим от напряжения голосом Полина. — Но Настя никуда с вами не пойдет!

И, продолжая смотреть в эти жуткие глаза, она ухватила невестку за руку и рванула к себе. Настя подалась вперед, но мужик держал девушку слишком крепко и был куда как сильней — дернул ее обратно с такой силой, что та, не удержав равновесия, завалилась назад, прямо на него, выронив на пол какие-то документы и бумаги, что все это время держала в руке.

— А ну-ка, отпустил девочку! — прокричал Михаил Александрович и ринулся к мужику, попытавшись оторвать у того Настю.

Почти неуловимо, коротко и резко выбросив руку, незнакомец «встретил» соседа ударом в солнечное сплетение, как только тот оказался рядом, — и с такой силой, что мужчина, страшно захрипев, сложился пополам, рухнул на колени и как-то замедленно-неотвратимо завалился на бок, падая на пол.

На противно-высокой ноте истерически заверещала Анна Захаровна, Саввушка громко, испуганно закричал, удерживаемая мужиком за локоть Настюшка все барахталась, пытаясь встать ровно, Полина же, одной рукой прижимавшая к себе племянника, другой продолжала тянуть Настю к себе, а где-то совсем близко послышался вой полицейской сирены...

И над всем этим бардаком вдруг пророкотал спокойный и уверенный голос незнакомца. Будто оглашая приговор к повешению, он пообещал Полине, с холодной усмешкой посмотрев ей в глаза:

— Еще встретимся...

Рывком вернув Настю в устойчивое положение, он поднял с пола рюкзак, стоявший все это время у его ноги (который, по всей видимости, принес с собой, когда вышел из квартиры, и на который, в пылу кипевших баталий и напряжения обстановки, никто из присутствующих не обратил никакого внимания), закинул лямку на плечо, повелительно дернул Настю еще раз и потащил за собой, торопливо сбегаая по ступенькам вниз.

— Саввушка, я тебя люблю! — прокричала отчаянно Настя. — Я тебя очень люблю, сынок! — И издала непонятный горловой звук, словно ее заткнули ударом.

— Мама-а-а-а! — забился на руках Полины ребенок, подавшись всем тельцем к лестнице, туда, где бежала, заплетаясь ногами, увлекаемая чужой страшной волей Настенька. — Мама-а-а-а... — захлебывался он слезами.

Спрессованные в один сгусток времени и действий события произошли настолько ошеломляюще неожиданно и стремительно, что никто ничего толком не успел сообщить, и, конечно, никто даже не подумал кидаться вдогонку убегающему бандиту, чтобы освободить Настеньку.

Полина прижала одной рукой крепче к себе заходящегося в истерике племянника, шепча ему на ушко что-то успокоительное, обещая наказать дядьку и вернуть маму, а второй, ходящей ходуном от адреналина, суетливо-бестолково ковырялась в сумочке, каким-то чудом не упавшей во время баталий с ее плеча. Наконец смогла нащупать и достать смартфон. И с какой-то непереносимой, раздражающей сложностью непослушными, негнущимися, неуклюжими пальцами, с попытки третьей, наверное, все же сумела найти в списке последних звонков номер брата.

— Поль, что? Только коротко, — отозвался недовольно Василий.

Он всегда ужасно досадовал и злился, если ему звонили во время работы, искренне полагая, что любая бытовуха незначительна по сравнению с его погружением в разработку программы, что отвлекать его от этого — конкретное кощунство, близкое к чистому злу.

— Вася, приезжай немедленно домой, — отчеканила сипевшим после жесткого противостояния с бандитом, пережитого страха и напряжения голосом Полина. — У нас беда. Настю похитили, Саввушка со мной, но ужасно напуган.

И сразу прервала разговор. Вдохнула глубоко, задержала дыхание, выдохнула продленно. Чуть подкинув вверх, перехватила тяжеленького Савву поудобней и снова попыталась хоть немного успокоить малыша.

— Не плачь так сильно, Саввушка, а то разболеешься. А тебе никак нельзя болеть, мы же обязательно найдем и спасем маму и накажем этого дядьку. Надо только, чтобы ты так не боялся и не плакал, а помог нам в этом деле. Ладно? — говорила она и гладила, гладила успокаивающе ребенка по голове, по спинке.

— Ла-а-адно, — прерывисто-истерично всхлипнув, ответил малыш и кивнул.

— Вот и молодец, — похвалила его Поля и уже гораздо спокойней и расторопней, чем с номером брата, отыскала в списке телефонов номер мамы и набрала его.

— Полиночка... — радостно-приветливо начала говорить Елизавета Егоровна.

— Мам, у нас беда. Все живы и здоровы, но Настю похитили. Приезжай к Васе домой... — И, как в случае с братом, сразу же отключилась, не отвечая на тут же посыпавшиеся вопросы перепуганной мамы.

Подумала пару секунд, посмотрела за распахнутую в глубь квартиры дверь, в которую отчего-то не могла за-

ставить себя войти, — вот не могла, и все! Словно ее не пускала какая-то сила, или запоздалый, неосознанный страх, или... да, блин, какая разница!

— Анна Захаровна, — обратилась Полина к женщине, суетившейся вокруг Михаила Александровича, лежавшего скрючившись на боку, на полу площадки, прижимая руки к пострадавшему от удара животу, — вы полицию точно вызвали?

— Конечно, — уверила соседка. — Вы разве не слышите сирену? — Она кивком указала на подъездное окно между площадками.

Да, сирена не выла, а уже орала где-то совсем рядом, действительно, как Поля могла не обратить на нее внимания! «И как это они так быстро прикатили, практически сразу после звонка Анны Захаровны?» — промелькнула мимолетно, не задержавшись, мысль.

Задумавшись на пару мгновений, Полина смотрела остановившимся взглядом на документы, валявшиеся на краю лестничной площадки и на верхней ступеньке, которые выронила Настя. И в этот миг ей вдруг почудилось, что беспорядочное, брошенное состояние важных и ценных бланков, паспортной книжки и каких-то еще бумаг окончательно утверждает и закрепляет бесповоротную неотвратимость пришедшей к ним беды. Будто какая-то беспощадная роковая бомба взорвалась, разрушая их дом и всю их жизнь, от которой остались лишь ошметки в виде раскиданных документов, утерявших теперь всякую свою ценность.

Она вздохнула с сожалением, понимая, что с малышом на руках, вцепившимся в тетку как в единственный надежный якорь в море его страха и не желавшим отпустить Полину ни на секунду, у нее никак не получится собрать документы. Выдохнув, с силой покрутила головой, скидывая неуместную в этот момент задумчивость, пытаясь сконцентрироваться на решении первоочередных вопро-

сов, хотя бы на время выставить мысленную преграду от той самой накрывающей их беды, которую уже чувствовала всем своим существом.

— Анна Захаровна, — обратилась она к соседке, — соберите, пожалуйста, документы.

— Да-да, Полиночка, сейчас, — засуетилась женщина, подивив своим неожиданным, можно сказать, прямо-таки сердечным каким-то расположением.

Но и об этом Полина подумала мимолетно, лишь зафиксировав сам факт необычности, удививший ее, и, тяжело вздохнув, набрала номер экстренной службы сто двенадцать. Дождавшись довольно быстрого ответа оператора, четко и ясно пояснила ситуацию:

— Девушка, мне надо две «Скорые помощи». У нас ребенок, переживший тяжелый стресс, очень напуганный и находящийся в истерике, и мужчина, получивший серьезный удар в область солнечного сплетения. Пожалуйста, как можно скорей, надо успокоить малыша. — И продиктовала адрес.

Последующие несколько часов растянулись для Полины в один сплошной, изматывающий, сюрреалистический перформанс, в котором разные люди — незнакомые, знакомые и родные, сменяя друг друга, крутились перед ней бесконечной вереницей, словно в хороводе, громкими голосами задавая множество вопросов, ожидая и требуя каких-то ответов на них. А параллельно с этим мельтешением ей приходилось решать свои рабочие вопросы и насущные бытовые проблемы.

Первыми появились, понятное дело, представители полиции в составе старшего лейтенанта и парочки сержантов с автоматами, сирена автомобиля которых переполошила всю округу, вызывая жгучее любопытство соседей и прохожих, а огни «люстры», так и продолжавшей вертеться, освещали пространство у подъезда сине-красным мельканием.

Боевитые, вооруженные автоматами ребята, совсем немного запоздавшие к разгару основных событий только лишь потому, что преступник оказался осторожен, расчетлив и весьма расторопен, были вполне вежливы. А когда немного отдышавшийся к моменту их прихода Михаил Александрович, уже не лежавший, а сидевший на полу, вытянув ноги и привалившись спиной к стене, представился служивым людям и показал какие-то «корочки» своей бывшей принадлежности к силовым структурам, так стали еще и весьма доброжелательны.

Узнав, что произошло похищение женщины и покушение на жизнь ребенка, они попросили Полину не входить в квартиру, пока ее не осмотрит оперативная группа с экспертом, которых они сразу же вызвали.

Ну, надо так надо, вздохнула обреченно Полина, но стоять и дальше с ребенком на руках никаких сил у нее уже не осталось. Наладилась она было устроиться-усесться прямо на ступеньках лестницы, но Михаил Александрович, которому помогли подняться с пола сержантики, поддерживая под локти, остановил сей ее порыв.

— Нечего вам, Полина, на лестнице торчать, идите ко мне, располагайтесь, где вам будет удобно, — указал он подбородком на распахнутую дверь в его квартиру.

— Спасибо, — с благодарностью приняла Поля весьма своевременное приглашение.

И, не дожидаясь «транспортной» полицейскими в квартиру самого хозяина, опередив их процессию, Полина зашла в первую же по коридору комнату, удачно оказавшуюся гостиной, и обессиленно плюхнулась на диван. И только тогда, устроив на коленях не собирающегося с ней расставаться ни на миг, продолжавшего крепко обнимать за шею Саввушку, она почувствовала, как от предательской слабости дрожат ноги и ноют сведенные от напряжения и пережитого стресса судорогой мышцы спины.

Прибыли медики «Скорой педиатрической помощи». Саввушку, с появлением врачей пуще прежнего прижавшегося к тетушке и в категорической форме отказавшегося отпускать ее, доктору все же удалось осмотреть и получить от малыша ответы на вопросы о его самочувствии. О самом происшествии доктору вкратце поведал один из сержантов, который и направил бригаду медиков в квартиру Михаила Александровича. После осмотра врача и долгих уговоров Савва согласился вытерпеть два «малюю-юсеньких, как комарик» укольчика и стоически их перенес под тетушкины ободрения и уверения в его необычайной смелости.

Сообщив, что госпитализация ребенку не требуется, и посоветовав все же сводить мальчика на прием к невропатологу в ближайшее время, медики убыли.

Ей позвонили с работы, и только в этот момент, глядя на номер, высветившийся на экране смартфона, она вспомнила о своих непосредственных профессиональных обязанностях, о назначенных на сегодня встречах и переговорах. Торопливо ответив на звонок одного из руководителей «Центра» и распрощавшись с тем, она набрала своего непосредственного начальника и уведомила о форс-мажоре, в котором оказалась, кое-как отбредавшись от уточнений и пояснений ситуации.

Договорив, Полина откинула голову на спинку дивана, прикрыла глаза и постаралась хоть немного расслабиться и посидеть в тишине, которую не нарушал прижимавшийся к ней притихший Саввушка. Но, направленный тем же сержантом-«регулирующим», дежурившим на лестничной площадке, в комнату ворвался взволнованный до невозможности Василий. С ходу схватив с колен сестры руки сынишку, он сразу же принялся строгим тревожным тоном задавать ей вопросы.

— Да что ты меня спрашиваешь?! — не выдержав, взорвалась Полина, остужая напор брата. — Откуда

я знаю, кто это был и почему он был? Вот ты знаешь? — наехала она на него.

Вася посмотрел удивленно на сестру, явно оторопев от такой отповеди, и пожал плечами, мол, нет, не знаю.

— Вот и я не знаю, — так же внезапно, как вспыхнула, остыла в момент Полина.

А что она могла ему ответить?

От необходимости делать над собой усилие и прямо сейчас пытаться объяснять что-то, непонятное ей самой, Полину на короткое время освободили медики второй бригады «Скорой помощи», приехавшие к Михаилу Александровичу.

А прямо следом за ними принеслась запыхавшаяся, взъерошенная, перепуганная до невозможности Елизавета Егоровна. Тут же выхватила из рук Василия внука и обрушила на ребенка всю свою любовь-беспокойство, перемежая поминутное расцеловывание малыша тревожными восклицаниями, грозящими перейти в слезы.

И минут через десять после явления любящей бабушки, завершая вереницу экстренно прибывающих граждан, появились оперативники с криминалистом и следователь из Следственного комитета.

И когда им разрешили и даже попросили пройти в квартиру, уже осмотренную и проверенную полицейскими и экспертом, взявшим у Васи, Поли и Елизаветы Егоровны отпечатки пальцев, Полине пришлось подробно отвечать на вопросы следователей. А после помогать им спешно расспросить Саввушку о том, что произошло в квартире. Перекочевав с отцовских рук на колени сидевшей за столом тетушки, мальчик уже заметно клевал носом и позывывал, поскольку вместе с успокоительным ему вкололи и легкое снотворное, начавшее действовать.

— Мы ждали тетю Полю, я даже помогал маме на стол все нужное ставить, — рассказывал Саввочка следователю, надо отдать должное, весьма грамотно строившему

беседу с малышом. — А потом позвонили, мама сказала, что это тетя Полина, и открыла.

И, видимо вспомнив что-то важное, призадумавшись ненадолго, Саввушка принялся объяснять дяде следователю со всей старательностью ребенка, повторяющего накрепко заученное наставление взрослых, поглядывая при этом на папу, который одобрительно кивал его словам, поддерживая малыша — мол, молодец, сынок, все правильно запомнил.

— Папа не разрешает просто так открывать, надо в глазок посмотреть и спросить, кто там, и вообще не открывать, пусть сначала позвонят на телефон и скажут, что пришли. — Мальчик задумался на пару секунд и внес дополнение к вышесказанному: — И зачем. Но это же тетя Полина была, мы же ее ждали, мама и открыла. А там совсем не она, а страшный дядька этот... — От воспоминаний у него тут же задрожал подбородочек и глаза наполнились слезками.

— Тихо, тихо, сынок! — Вася забрал ребенка у сестры, сел рядом за стол, усадив того к себе на колени, и принялся покачивать и успокаивать: — Все плохое прошло, и бояться больше нечего. Ты расскажешь про этого дядьку и поможешь нам маму найти. Все хорошо, не плачь. Видишь, мы тут все с тобой, и я, и тетя Полина, и бабушка. — Он вытер со щечек сынишки вырвавшиеся слезки и спросил осторожно: — И что этот дядька сказал?

— Дядька не сказал, — покрутил отрицательно головой малыш, готовый в любой момент снова дать слезу, — это мама сказала: «Вы кто?» и «Вам кого?»

— А что дядька в ответ? — мягким голосом, легко, располагаяюще улыбаясь ребенку, осторожно поинтересовался следователь.

— Я не слышал, мама сказала, чтобы я шел в комнату играть, я и пошел.

— А дядя с мамой?

— А они там что-то говорили. А потом мама зашла в комнату, где я играл, достала из коробки всякие документы, которые у нас там лежат. Потом взяла меня так... — он обхватил свое личико ладошками, показывая, как его взяла мама, — и сказала, что этот чужой дядька хочет нас забрать к себе, но я должен громко кричать, что не хочу идти, и звать на помощь, убегать и прятаться от него, если смогу. А когда придет тетя Полина, бежать прямо к ней и никуда от нее не уходить. А еще мама сказала, что любит меня и я самый смелый и самый лучший на свете сынок... — хлюпнул он слезливо носиком и снова задрожал подбородочком.

— А дядька тебя схватил? — предотвращая грозящий вот-вот разразиться слезный поток, торопливо спросил следователь.

— Ага, — кивнул Савва, временно позабыв, что наладился поплакать, — он зашел в комнату и говорит: «Все, уходим», а мама сказала, чтобы он уходил сам, а нас оставил в покое, тогда он меня ухватил вот так... — и показал, как преступник схватил его за плечико, — и сказал маме, что она знает, что со мной случится, если она не пойдет. Тогда я закричал громко-громко, что не пойду никуда, как и говорила мама, а дядька приказал ей меня успокоить. Но я кричал и кричал, и тогда в дверь позвонили. Я снова кричал, а он меня опять ухватил и как тряхнет сильно, и сказал, что голову мне свернет. — Саввочка все-таки заплакал, вспомнив тот страшный момент, но рассказывать продолжил, не сбился: — Мама его опять просила нас не трогать и уходить, а он сказал ей, чтобы она открыла дверь и прогнала тетю Полину. А я же знал, что это тетя Полина пришла, она же стучала и громко кричала, чтобы мама открывала, и ее не прогонит никто и никогда вообще, — объяснял малыш.

Следователь кинул короткий взгляд на Полину, усмехнулся и снова обратил все свое внимание на мальчика.

— Мама пошла открывать, а этот злой дядька меня держал, а я все равно закричал, что у нас все плохо. Он меня так больно дернул, а я его укусил, прямо вот так, — и он показал произведенный укус на отцовской кисти, — только сильно-сильно. А он обозлился, заругался и хотел меня ударить, только я испугался очень и как отпрыгнул, и побежал. А потом меня тетя Полина поймала и уже никому не отдала.

— Понятно, — вздохнул следователь и похвалил ребенка: — Ты большой молодец, Савва, и очень смелый мальчик.

— Только я очень сильно испугался, — признался малыш и вдруг спросил, заставив стушеваться всех взрослых, с надеждой посмотрев на следователя: — А мамочка когда вернется?

— Идем, я положу тебя спать, — разбивая повисшее неловкое, бессильное молчание взрослых, преувеличенно бодро предложила Полина, забирая ребенка у Василия, — а то ты уже совсем засыпаешь. А я с тобой посижу рядом.

И заговорила-заговорила особым тихим голосом и ласковыми словами, забалтывая, отвлекая и уводя ребенка от грустных и тревожных мыслей.

После долгих протокольных опросов всех участников — Полины и соседей — следователи наконец уехали, Саввушка давно спал, а они втроем — мама и Вася с Полиной — долго сидели в кухне за столом, пили чай, съели бесподобный капустный пирог, что приготовила Настюша, и все больше молчали, ни словом, ни намеком не коснувшись происшествия. Словно опустошились до дна за этот бесконечный вечер, в круговерти вопросов, изводящих своей безответностью, не имея больше никаких душевных сил что-то еще обсуждать, не зная и откровенно не понимая, что вообще можно говорить в данных обстоятельствах.

Правда, Полина, уйдя в прихожую, громким шепотом, чтобы не потревожить Савву и не услышали Вася с мамой, пыталась объяснить Александру по телефону то, что случилось, старательно избегая деталей и подробностей, о чем настоятельно попросил их всех, даже потребовал следователь. Дорогой друг и любимый мужчина негодовал и дулся обиженно, не скрывая своей досады, поскольку сорвалась их запланированная на сегодня встреча, а он готовился, старался и даже стол накрывать собирался, в том смысле, что заказать доставку из их любимого ресторана. А тут нате вам, у подруги форс-мажор и она даже не подумала предупредить заранее, что встреча отменяется. И мало того, не хочет толком объяснить, что ж такого невероятно страшного у ее родственников там случилось, что не позволяет ей приехать к нему.

И Полина снова шептала что-то уговаривающее и даже почти извинялась, дабы не нагнетать, и к концу разговора как-то все-таки смогла вывести их беседу на мирный лад и тепло попрощаться.

Разумеется, Полина с мамой остались ночевать с Саввушкой и Васей, словно сплотились в один кулак, при этом каждый из них неосознанно, подспудно, не признаваясь друг другу даже намеком, все же надеялся на... на что? На чудо, наверное, и каждый думал, ожидал, отводя друг от друга взгляд, чтобы не выдать этой своей робкой надежды: вдруг это страшное, дикое недоразумение и этот бандит просто перепутал и захватил не того человека, не ту, назначенную им, жертву? Ну а вдруг? Ведь может такое быть? И тогда Настюшка вернется...

Вот прямо сейчас? Или ночью, или утром...

Чуда не произошло.

С этой дикой, совершенно нереальной, какой-то киношной истории, из разряда тех, что в размеренной жизни обычных людей никогда не происходят просто потому, что

не могут произойти, и был дан старт повалившихся на семью и Полину неприятностей и катастроф.

Утром, встретившись на кухне, взрослые старательно скрывали от Саввушки мрачность и нерадостные мысли, накрывшие всех троих. Не сговариваясь, они преувеличенно бодро и оттого неестественно-фальшиво разговаривали с малышом, старательно обходя его прямые вопросы на одну-единственную тему:

— А где мамочка? А когда она вернется?

Выносить взгляд распахнутых детских глазюшек, смотревших на взрослых с надеждой и ожиданием чуда, и ощущать свое полное бессилие... это ужасно.

И Полина с Василием, торопливо затолкав в себя завтрак, позорно бежали каждый на свою работу, оставив разбираться с внуком, с его тревогами, страхами и ожиданием мамочки Елизавету Егоровну, вынужденную руководить своими делами, что называется, на удаленке.

Вася позвонил Поле ближе к обеденному перерыву, перепугав ту до заколотившегося набатом сердца своим неожиданным вызовом хотя бы потому, что вообще редко звонил родным, а уж в рабочее время и подавно.

— Что, Вася?! — почти прокричала она от испуга и дикой надежды в трубку. — Настя нашлась?

— Нет, не нашлась, но меня почему-то вызывают в Комитет.

— В какой комитет? — опешила Полина, не врубившись, вот так, с ходу, не сумев совладать с колотившимся сердцем и окатившей волной тяжелого разочарования.

— В какой, в какой! — раздражился брат и растолковал: — В государственный! В ФСБ.

— А туда-то зачем? — растерялась даже как-то Поля.

— Ну откуда я знаю! — горячился Вася. — Вот, вызвали, сейчас поеду. — И спросил совсем другим, тревожным тоном: — Может, это с Настей связано как-то?

— А может, с твоей работой. Вот и узнаешь, — отчего-то, в противоположность брату, успокоилась в момент Полина. — Иди. Вечером поговорим.

— Да, вечером, — согласился рассеянно он, явно уже занятый какими-то своими мыслями.

А вечером...

Мрачный, озабоченный чем-то до невозможности, погруженный в какие-то явно непростые размышления, Василий пришел поздно, минут за пятнадцать до того момента, когда Саввушке следовало отправляться спать. Мама было сунулась к сыну с вопросами, как только открыла дверь, но Вася покрутил головой и отмахнулся, останавливая ее нетерпение, указав кивком на бежавшего к нему со всех ног по коридору Савву.

Конечно, Савка сразу же повис на отце и потребовал, чтоб именно тот укладывал его в постель и непременно читал книжку перед сном, и все заглядывал беспокойно в лицо отца, вцепившись и не отпуская его ладонь, словно боялся, что папа тоже может исчезнуть непонятно куда, как пропала страшным, необъяснимым образом его мама.

И, разумеется, Василий укладывал сына, что-то рассказывая тому тихим голосом, и читал книжку, а Полина с мамой изводились в это время, строя страшные предположения по поводу такой Васиной мрачности, то и дело прерывая, останавливая жаркий шепот друг друга, в момент выдвижения очередной ужасной версии начиная повторять мантру про «все будет хорошо».

— Ну?! — воскликнула мама, едва дождавшись, когда сын войдет в кухню, ставшую для них троих за эти сутки семейным военным штабом. — Тебя вызывали из-за Насти?

— Да, — кивнул он, изможденно опустившись на стул.

— Ну не тяни ты, господи, Вася! — не выдержала напряжения Елизавета Егоровна, в сердцах отчитав сына: — Так же с ума можно сойти! Что с ней?!

Василий посмотрел на мать странным, задумчивым взглядом и, решительно выдохнув, хлопнув ладонью по столу, резко поднялся со стула.

— Знаете что, — распорядился он, — давайте-ка сюда ваши телефоны! — И предупредил готовый сорваться недоуменный вопрос мамы: — Так надо.

— Ну, надо так надо... — всмотревшись в его лицо, не стала спорить Елизавета Егоровна, взяла со столешницы свой смартфон и протянула сыну. — Надеюсь, ты объяснишь эту необходимость.

— Мам, — попенял ей Вася, забирая телефон и у сестры, и вышел из кухни, осторожно затворив за собой дверь.

— И что это, как думаешь? — спросила мама у дочери.

— Судя по всему, конспирация, — предположила Полина.

— Да ладно, — высказала сомнения мама, — что ж теперь, и ноутбук с телевизором конспирировать где-нибудь, типа последователи теории заговоров утверждают, что через них нас всех прослушивают и подсматривают.

— Правильно утверждают, уж поверь мне, — уверил Василий, вошедший в этот момент, плотно прикрыв за собой дверь, — но поскольку у нас на кухне нет компов и телика, то можем беседовать спокойно.

— Вась, ну что за ерунда? — недоуменно попеняла ему Елизавета Егоровна.

— Да не ерунда, мам, — плюхнувшись на стул и устало вздохнув, ответил Вася. Помолчал, перевел дыхание, потер ладонями с силой лицо, словно пытался содрать с него усталую тяжесть, и повторил: — Не ерунда. Теперь нам троим надо постоянно контролировать свои слова-разговоры, выкладываемые видосы и переписку в Сети. Впро-

чем, вам завтра все подробно объяснят, а я уже дал под-
писку о неразглашении.

— Кому? — испуганно-недоуменно спросила Елиза-
вета Егоровна. — Какую? Зачем?

— Сядь, мам, — попросил каким-то потухшим голосом
Вася.

Дождался, когда не сводившая с сына тревожного
взгляда мама опустится на стул, посмотрел на сестру,
словно ждал от той поддержки — а наверное, и ждал, —
вздыхнул, перевел взгляд обратно на мать и пояснил:

— Тебе Полина сказала, куда меня вызвали?

— Сказала... — протянула растерянно та, — только...

— Да, — пресек ее восклицания, недоумения и во-
просы Вася, — в ФСБ. И не просто в ФСБ, а в Отдел по
борьбе с терроризмом.

— С каким терроризмом?! — не удержалась от удив-
ленного восклицания Полина.

— С мировым, — хмыкнул саркастически Вася. — Ну,
может, он как-то иначе официально называется, не суть.
Но это реально контртеррористический отдел. — И сде-
лал зверски-предупреждающую мину, когда Елизавета
Егоровна дернулась было, заспешив задать очередной во-
прос.

Не-не, показала мама жестом, не спрашиваю, молчу —
и показательно «застегнула» рот на молнию.

— Так вот, со мной общались два мужика, — продол-
жил объяснения Вася, — как-то там представившиеся для
профформы, причем мы все втроем понимали, что для про-
фформы и ненастоящими фамилиями-именами. — Он
усмехнулся, припомнив, видимо, какой-то момент той бе-
седы. — И от этого моего понимания реалий у нас с ними
сразу наладился нормальный контакт и диалог. Так вот,
дело о похищении Насти передано им, поскольку они
предполагают, что ее похитил бывший муж. Вернее, не
предполагают, а уверены в этом.

— Подожди! — воскликнула мама, мгновенно позабыв о почти клятвенном обещании молчать. — Но Настенька же говорила, что он умер?

— Да, она была в этом уверена, — кивнул Василий. — Точнее, о его смерти ей сообщили служащие этой самой конторы.

— Тогда он что, получается... — распахнув глаза от обжегшего предположения, испуганно посмотрела Елизавета Егоровна на сына, не в силах даже произнести это слово.

— Да, мам, — покивал нерадостно Вася, подтверждая ее подозрения. — Первый муж Настеньки оказался членом одной из самых крупных и известных террористических организаций, запрещенных в России.

— Боже мой, — не сводя потрясенного взгляда с сына, протянула Елизавета Егоровна, непроизвольно прижав пальцы к губам.

Полина, в отличие от мамы, не испытала ошеломления от новости. Она до сих пор не избавилась от пережитых в момент противостояния тому мужику чувств и ощущений, каждый раз предательски подсасывавших где-то в районе холодеющего солнечного сплетения, когда мысленно прокручивала те события в голове, гоняя так и эдак, спрашивая себя, могла ли она удержать Настю, спасти, и боясь ответить себе утвердительно. Потому Полина где-то на подсознательном уровне предполагала и даже ждала чего-то такого. Ну не мог быть простым, банальным бандюганом этот человек, не с такой силой личности, уровнем властности и энергией мысли — нет, не мог.

О своем первом муже Настя вспоминать не любила, стараясь не касаться и всячески избегать этой темы вообще. Но, припомнив то небольшое, о чем, пусть скупое, но все-таки поведала ей невестка, Полина уточнила:

— Насколько я помню, как рассказывала Настюшка, она же вышла замуж совсем молодой, и они прожили

вместе очень недолго, всего, по-моему, несколько месяцев, а потом этот муж вроде как пропал без вести и где-то там умер?

— Именно так, — подтвердил Василий. — Пропал он около десяти лет назад. А когда Настя подала заявление о его розыске, тогда и выяснилось, вернее ей разъяснили, что он принадлежал к этой самой организации и принимал непосредственное участие в подготовке теракта в Москве. Безопасники отслеживали участников группы и арестовали в день, на который было намечено проведение этого акта. Задержали всех, только бывшему мужу Насти удалось вырваться и скрыться каким-то образом. Причем он был тяжело ранен во время задержания, как потом, только через несколько лет, выяснилось. Поскольку он был не рядовой исполнитель, а принадлежал к числу руководителей среднего звена организации, то ему были известны адреса других ячеек в Москве, по одному из которых он и пришел. Ему оказали медицинскую помощь, снабдили новыми документами и через свои каналы помогли уехать в Турцию. Ну а из Турции он переправился в Сирию без всяких сложностей.

Василий замолчал, переводя дух, снова устало-замученным движением потер ладонями лицо и посмотрел на потрясенных, обескураженных новостями женщин.

— М-да, — тяжело вздохнув, протянул он, заставляя себя вернуться к рассказу. — Разумеется, Настюха понятия не имела, кем на самом деле является ее муж, и не подозревала ни сном ни духом. Это неопровержимый факт, доказанный фээсбэшниками. Она была просто выбранной и намеченной жертвой террористов для одной из их банальных схем: молодая девчонка, москвичка, живущая в трехкомнатной квартире в хорошем доме, недалеко от центра города, — весьма удачное приобретение для их деятельности. И не только ее жилплощадь, но и сама Настя была ценным приобретением для их инте-

ресов и планов: типичная русоволосая славянка, отличная мать для будущих воинов и верных дочерей их организации. И пофиг, что живет она не одна, а с родственниками, это не имело никакого значения — жертва выбрана и уже назначена, а мешающие осуществлению плана факторы легко устраняются при необходимости. Влюбить в себя молоденькую, не знающую жизни девчонку мужику на пятнадцать лет старше, профессиональному агенту-диверсанту, обученному в том числе приемам манипуляции с сознанием людей, не стоило никаких особых усилий. И, когда они поженились, он сразу же начал обработку Настюшки, выковывая из нее ярого адепта и приверженца истинной «веры», как у них это принято. Да только не довел обработку и до половины, поскольку ему пришлось срочно сваливать за границу. Все это Насте объяснили и растолковали, предъявив неопровержимые данные принадлежности ее муженька к определенной организации и занимаемого статуса в ней. Понятно, что Насте он представлялся под другим именем, которых у него немало, как и вполне себе надежных, настоящих, легальных документов на эти имена. По совету и при помощи сотрудников конторы Настюшка подала в МВД заявление о розыске мужа, а через год они же помогли ей оформить официальный развод с ним. Ну а еще где-то приблизительно через год ей сообщили, что, по их сведениям, ее бывший муж погиб.

— Почему она нам ничего не рассказала обо всем этом? — с явной обидой в голосе недоумевала Елизавета Егоровна, все еще не отошедшая от потрясения.

— Потому что не могла. Она дала очень серьезную подписку о неразглашении, — растолковал Вася. — Поскольку любые сведения и все, что связано хоть в какой-то степени с терроризмом, подпадает под гриф секретности и не подпадает под разглашению. Да и зачем ей лишний раз ворошить ту историю и тяжелые воспоминания? Ей было всего во-

семнадцать лет, ну влюбилась девчонка, ну вышла замуж, три месяца прожила с мужем в полном наиве, да еще мама погибла накануне их свадьбы. Ты представляешь, что она тогда переживала? Наверняка же он стал для нее опорой и поддержкой в тот момент и замутил девчонке голову конкретно, быстро и четко, по проверенной уже не раз схеме манипуляции разумом. И вот, когда он пропадает, вдруг выясняется, что ее муж на самом деле не любящий и заботливый мужчина, а известный террорист, который намеревался обогреть и использовать ее самым страшным образом. Ты представляешь, что ей пришлось тогда пережить? Какое потрясение и разочарование?

Вася оборвал себя, резко втянув воздух, задержал дыхание, медленно выдохнул и, немного успокаиваясь, вяло махнул, закрывая тему:

— Забыла — и слава богу, и хорошо, что забыла. Умер и умер.

— Выходит, не умер, — заметила, задумавшись, Полина.

— Вот именно! — воинственно воскликнула мама, встряхнувшись возмущением. — Десять лет прошло, зачем она ему сейчас-то понадобилась?

— Да все за тем же! — раздражился Василий. — Включи логику, мам. За тем, что этим сволочам требуется захватить все, до чего они могут дотянуться! Потому что они используют любые возможности и шансы для укрепления своей организации! — как-то резко, в один миг захлестнуло его негодованием. — Потому что она все еще молодая женщина и может родить много славянских детей, которых воспитают бойцами-диверсантами, а девок продадут задорого, чтобы те, в свою очередь, рожали белобрысых детей. Потому что эта квартира так и принадлежит только Насте, а захватив еще и Савку и шантажируя, обещая насилие, пытки-издевательства и убийство ребенка и Насти, они еще и стрясут с меня, по ходу, все,

что только возможно! Потому что я буду исполнять все их требования, все! — прокричал он придушенно, вынужденно сдерживая рвущийся из него дикий, бессильный крик, чтобы не разбудить, не растревожить Саввушку. — Буду исполнять! — повторил Василий, захлебываясь бессильной яростью. — До последнего надеюсь спасти их обоих! Ее спасти!

Резко подскочив со стула, так, что тот отлетел в сторону и грохнулся спинкой на пол, в два стремительных шага он подскочил к окну, дернул ручку стеклопакета, распахивая створку на всю ширь. Нервно-судорожно вдохнув-втянув в себя морозный воздух, положил ладонь на глаза, с силой вдавив большим и средним пальцами виски, и пообещал, наверное, самому себе:

— Я этих сук достану... достану... Я им Настьку не отдам...

Обескураженные, захваченные врасплох внезапным и настолько страстным взрывом эмоций обычно всегда спокойного, рассудительного, где-то даже флегматичного Василия, Полина с мамой, замерев, смотрели на него оторопело-испуганно, только в этот момент осознав всю глупину и ужас пришедшей в их семью трагедии.

— Как, сынок? Как достанешь... если тут такое?.. — прошептала потрясенно Елизавета Егоровна, снова прижав пальцы к губам, и расплакалась.

Он повернулся, посмотрел на нее каким-то бездонным взглядом, словно за пару этих минут прогорел внутри в пепел, присел, оперся на край подоконника, не замечая, как поток ледяного ветерка раздувает рукава его рубашки, и объяснил уставшим, потухшим тоном:

— Мы договорились о плотном сотрудничестве с контрразведчиками в поиске Насти. Поскольку у меня весьма востребованная специфика деятельности и самая серьезная мотивация в этом деле, то, возможно, наше сотрудничество и будет плодотворным.

— Почему возможно? — спросила мама как-то беспомощно-потерянно, с тревогой посмотрев на сына.

— Да потому, что меня не посвятили в детали этого дела по ее бывшему мужу, и понятно, что и не посвятят, поскольку это напрочь закрытая инфа. И как можно что-то делать и копать, когда ни фига не знаешь?! Как слепой и глухой биться башкой в стену! — возмутился Василий.

— Так, — произнесла деловито Полина. — Давайте-ка оставим эмоции и попробуем спокойно подытожить и систематизировать имеющиеся факты.

— Ну, давайте, — резко вздохнув-выдохнув, остужая себя, измученно усмехнулся Василий.

— Первое, — начала перечислять Полина, разжимая пальцы, — Настю похитил ее бывший муж, оказавшийся террористом. Второе... — И запнулась, посмотрев вопросительно на брата. — Уточни один момент. Если я правильно поняла, этот хрен не какой-то рядовой там солдат, а боевик-управленец среднего руководящего звена или, скорее всего, за десять-то лет уже приподнявшийся до высоких позиций в организации.

— Как всегда, схватываешь самую суть, сестренка, — похвалил Вася совсем уж утомленным голосом опустошенного от моральной, да и физической заодно усталости человека. — Да, как объяснили мне парни, он занимает высокий статус в организации.

— Вот, — удовлетворенно кивнула Поля. — Из чего я делаю вывод, что в Москве он объявился не ради Насти, внезапно, вдруг, аж через десять лет вспомнив о бывшей жене, а за каким-то совсем иным интересом. А она так, легкий побочный заработок по ходу какой-то иной, гораздо более серьезной операции террористов. А посему, думаю, искать его станут с особым тщанием и рвением. А это значит, что у нас есть вполне обоснованная и реальная надежда, что Настеньку удастся найти.

— Найти-то да, только... — Не договорив фразу, Василий осекся и, выпрямившись, резко развернулся к распахнутому окну.

В кухне повисла гнетущая, настороженная тишина. Они отлично понимали, что стоит за этим его «только» — что сделают с Настей к тому моменту, когда ее найдут, если найдут, и будет ли она вообще к тому моменту... оставят ли ее в живых...

— Слушайте! — осенило вдруг Полину неприятно-пугающей мыслью. — Савва сказал, что пришел незнакомый дядя и мама спросила, кто он такой. То есть Настя его не узнала, видимо, он сильно изменился. Получается, что мужик этот ужасно прокололся, потому что уж я-то его очень хорошо разглядела и запомнила, да и соседи тоже. И даже если он весь из себя такой крутой диверсант и конспиратор, что прямо остался незамеченным на всех видеокameraх наблюдения в городе, мы-то сможем дать его подробное описание и составить его точный портрет.

— Обязательно, — захлопнув и закрыв створку, подтвердил Василий, повернулся и посмотрел на сестру. — Непременно дадите в ближайшее же время, поскольку вас уже завтра вызовут в Комитет. И подпишете бумаги о неразглашении сведений. Думаю, не надо повторять еще раз и объяснять, что теперь за нами всеми установлено наблюдение, а все наши гаджеты поставлены на прослушивание. Будет отслеживаться и проверяться каждый человек, вступающий с нами в контакт, даже продавщицы вашего любимого магазина здорового питания. И твой Александр в том числе, — произнес он с доступной ему при столь измотанном состоянии легкой иронией, посмотрев на сестру.

— Ему не понравится, — расстраиваясь заранее, констатировала Поля, тяжело вздохнув.

— Это вряд ли, — усомнился братец. — Оповещать Александра о происшествии никто не намерен, более

того — прошу тебя ничего ему не рассказывать, даже намеком, — предупредил Василий, акцентируя голосом свою просьбу, скорее похожую на требование.

— Но почему? — без всякого энтузиазма довольно вяло возразила Полина. — Его надо предупредить или хотя бы намекнуть. При том положении и должности, которые он занимает, Александру необходимо знать, что за ним установлена слежка, пусть и из самых наилучших намерений поиска террориста. Через него же проходят серьезные сделки, а люди, с которыми Александру приходится общаться по бизнесу, сплошь властно-богатые господа, исключительно вип-уровня, в том числе и олигархи, и чиновники высшего звена. Ты представляешь, если кому-то из них станет известно о прослушке, проверке и слежке, которой они подвергаются из-за него и из-за нас. Фигово станет всем.

Сама тут же красочно представив и оценив возможные последствия такого развития событий и мысленно содрогнувшись, Полина подчerkнула:

— Очень-очень фигово. Еще, не дай бог, начнут мешать следствию. К тому же, если ты помнишь, Александр мой жених и уже практически твой родственник и член семьи.

— Да как тут не помнить, — криво-нерадостно, явно делая над собой усилие, чтобы выразить мимикой эмоцию, ухмыльнулся Василий, — ты ж не дашь забыть о наступающем на всех нас «счастье». — И, посмотрев в глаза сестре, произнес с нажимом: — И все же, Поля, ставить в известность Александра о том, что у нас произошло, нельзя. Да и компетентные ребята запретят тебе это делать. А что касается его клиентов-партнеров и прочих «крутышей» безмерных, то для ребят из «контртеррора» любые регалии глубоко пофиг, все это знают и вступать с ними в диспуты-противостояния боятся до оторопи. Ничего, походит твой любезный под наблюдением, может,

еще сильно удивишься, узнав много чего нового про будущего мужа. И, кстати, мам, — напомнил он Елизавете Егоровне с сожалением, — Юрия Александровича посвящать в ситуацию тоже нельзя, поскольку он пока не член семьи.

— Да поняла уже, — расстроено махнула рукой мама и вздохнула. — Получается, что вовремя Юра уехал детей навестить, не придется ни о чем умалчивать. Хотя Юра не Александр Полинин, ему я могу правду сказать, что запрещено обсуждать и распространяться о Настинном деле. Он поймет.

— Да, — поддержал маму Вася, — дядь Юра мужчина грамотный и серьезный, он поймет. — И, со всей очевидностью окончательно исчерпав остатки сил и любые возможные морально-волевые резервы, Василий протяжно выдохнул и объявил закрытие «кухонного совета»: — Все, женщины, на сегодня мы обсуждения закончили. Что мог, рассказал и объяснил, даже сверх того, что полагалось и разрешили вам донести. Но завтра утречком вас обеих «подпишут» на предмет сохранности гостайны, так что не страшно. А теперь отбой. Мне надо хоть немного поспать. Я зверски вымотан и просто вырубаясь.

Полина была оглушена ясным осознанием реальности, какой-то неправдоподобной, дикой ситуации и беды, в которой они оказались. Да еще — пропади оно все пропадом! — во всю ширь присущего ей красочного, творческого воображения представляла себе, как может издеваться над Настюшкой эта сволочь. А еще того пуще, с замирающим от одного только предположения сердцем, что мог бы он сотворить с Саввушкой, окажись ребенок в его руках... И не могла не то что заснуть, а хотя бы немного успокоиться, перестать дрожать телом, мыслями и расслабиться — ну не могла, и все.

Она и валерьянки с мамой на пару хлопнула-приняла перед тем, как отправиться в постель, и то прикрикивала мысленно на себя и запрещала, то уговаривала выкинуть из головы пугающе-яркие страшилки, вызывающие поток неконтролируемых, текущих безостановочно слез, когда представляла, какой ужас, унижение, а возможно, и боль испытывает сейчас Настюшка. Полина все повторяла и повторяла, что ей потребуются физические силы и чистый, холодный разум, для того чтобы с полной отдачей принимать участие в поиске Насти, а для этого требуется отдых телу и уму, поэтому немедленно спать, спать, спать...

Да сейчас! Какое там спать. Стоило хоть немного уговорить-успокоить себя, «выключить» и выкинуть наконец «ужастик» про Настю и Саввушку с мысленного «экрана», как, без всякого ее разрешения на то, нагло и своевольно влезли в разум и принялись донимать тревожные мысли об Александре и о запрете брата посвящать того в случившееся с ними бедовое происшествие. И тут же с таким трудом освободившуюся от предыдущих страхов голову заполнили новые тревоги, красочно рисуя варианты всяческих возможных последствий, когда Александр все-таки прознает об установленном за ним контроле фээсбэшников.

Но больше любых возможных неприятных разборок с женихом, случись-таки конфуз обнаружения Александром слезки, Полину пугала необходимость вообще что-то ему говорить при встрече. А ведь рассказывать придется, невразумительным мычанием и ссылкой на какую-то ерундовую причину и форс-бог-знает-какой-мажор, вынудившие Полину не прийти на запланированное свидание, она не отделается. И поскольку ничего объяснить невозможно даже приблизительно, то придется что-то сочинять и выдумывать.

А вот это сплошная засада и чистое попадалово!

Ибо врать Полина Павловна Мирская не умела напрочь. Ну не предусмотрела природа-мама такого навыка и хотя бы малого умения житейской изворотливости для этой девочки, посчитав, видимо, что и тех достоинств, которыми она ее наградила-одарила, вполне достаточно.

Нет, привирать или придумывать какие-нибудь оправдания-отговорки сотворенных ею неблагоприятных деяний Полина пробовала, разумеется, ну а как без этого, и не раз.

Такое вообще реально в жизни — не врать вообще?

Особенно в детстве и особенно когда у тебя имеется старший на десять лет брат, идеальный кандидат, на которого можно легко и радостно сваливать любую вину за большинство проступков и проказ, с учетом того, насколько сильно тот любил младшенькую сестрицу, баловал ужасно, всегда и везде защищал от всех напастей и готов был прикрывать любые ее проделки.

Красота, правда? Не всем так везет. Ага, щаз-з-з-з...

Нет, готов-то он был готов — и принимал на свою головушку вину и ответственность за сестренку Поленьку в любой ситуации, тут уж ничего не предъявишь, что было, то было, но иногда родители уточняли у дочери:

— Поля, Вася на самом деле разбил вазу?..

...Или обрезал ножницами все листья и цветы на бабушкином каланхоэ? Отобрал у девочки Лизы лошадку во дворе? Испортил мамину косметику? Разрисовал стены в родительской спальне? Засунул в унитаз рукавички, чтобы проверить, смоет ли их вода? И так далее, так далее по широкому списку «деяний» очень неугомонной девочки с весьма ярким и буйным — как нынче принято называть, креативным — воображением...

После такого вопроса Полина тут же заливалась тяжелым болезненным румянцем, дико как-то, до самых ушей и корней волос, до наворачивающихся мгновенно слез, прятала-отводила взгляд, смотря куда угодно, только не на